

Психологические основы взаимопроникновения и взаимодействия элементов китайской культуры и культуры исламских народов в Китае

Е.А. Александрова^{1а}

¹Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6675-6965>, e-mail: aleksandrovae@gmail.com

Резюме: В статье предпринимается попытка рассказать об исламе в Китае с точки зрения особенностей китайской психологии и характерного для китайской культуры стиля приращения нового культурного материала. Автором выделяются некоторые элементы культурной конфигурации, благодаря чему можно наблюдать естественное с точки зрения психологии взаимопроникновение двух культурных комплексов. К таким элементам относятся, например, фольклор и боевые искусства. И фольклор, и боевые искусства как части системы играют значительную роль в функционировании народной культуры, используются как элементы мягкой силы в межкультурном и межрелигиозном диалоге в самой Китайской Народной Республике (КНР) и за ее пределами. В качестве значимых рассмотрены не только фольклорные элементы, маркирующие бытование народной культуры, но и боевые искусства. Поскольку боевые искусства – это фактически троп, то есть средство повествования о Китае, узнаваемое во многих уголках мира, с помощью которого можно увидеть как основы, так и дополнения в результате использования в межкультурной коммуникации. Методология, примененная в анализе материалов, носит междисциплинарный характер. В общей культурологической рамке применяются подходы этнопсихологии, культурной антропологии, психологии религии. Смешанная методология с опорой на концепцию культурной конфигурации позволяет посмотреть на сочетание и взаимопроникновение китайской традиционной культуры и культуры ислама как на нечто объективно существующее, живое.

Ключевые слова: ислам; Китай; психология; религия; фольклор; культурная конфигурация; боевые искусства

Для цитирования: Александрова Е.А. Психологические основы взаимопроникновения и взаимодействия элементов китайской культуры и культуры исламских народов в Китае. *Minbar. Islamic Studies. 2023;16(4):959–973*. DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-4-959-973

E.A. Aleksandrova

The Psychological Basis of the Interaction of Elements of Chinese Culture and Culture...
Minbar. Islamic Studies. 2023;16(4):959–973

The Psychological Basis of the Interaction of Elements of Chinese Culture and Culture of Islamic Peoples in China

E.A. Aleksandrova^{1a}

¹*Moscow State University for Psychology and Education, Moscow, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6675-6965>, e-mail: aleksandrovae@gmail.com

Abstract: The article attempts to describe Islam in China in terms of Chinese psychology and the Chinese culture's style of adding new cultural material. The article highlights some elements of the cultural configuration thanks to which it is possible to observe interpenetration of two cultural complexes as the natural from the psychological point of interpenetration. Such elements include, for example, folklore and martial arts. Both folklore and martial arts as part of the cultural system in China play a significant role in the functioning of folk culture, used as "soft power" in the intercultural and interreligious dialogue within the People's Republic of China and beyond its borders. The reason why the folklore elements and martial arts are considered as important in the given context hides in their role in Chinese cultural history. It is obvious that folklore is one of the basics of ethnic group genesis and identification. Chinese and Islam culture co-existence leads to the rejuvenation of folk tradition by means of introducing a new character recognizable for the domestic population. As for martial arts – it is a kind of way of narrating Chinese culture, natural and essential for people inside country and, in its turn, recognizable for external viewers. The methodology used in the analysis of materials is interdisciplinary. In the general framework of Cultural Studies the methods of Cross Cultural Psychology, Cultural Anthropology, and the Psychology of Religion are applied. The mixed methodology, based on the concept of cultural configuration, gives a focus on the combination of Chinese traditional and Islamic culture as objectively existing, living and natural.

Keywords: Islam; China; Psychology; religion; folklore; cultural configuration; martial arts

For citation: Aleksandrova E.A. The Psychological Basis of the Interaction of Elements of Chinese Culture and Culture of Islamic Peoples in China. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(4):959–973. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-4-959-973

Введение

Ислам и исламская культура попадают в Китай в VII веке: военное столкновение быстро оборачивается развитием торговли и основанием поселений, где сначала преобладали пришлые народы – носители исламского культурно-психологического комплекса, частью которого со временем стало и местное население, принявшее новую религию. По характерной для КНР терминологии все народы, кроме титульного этноса, являются национальными меньшинствами. Десять таких меньшинств общей численностью около

18 миллионов человек исповедуют ислам. На территории КНР расположено более 30 тысяч мечетей, верующих окормляют более 40 тысяч имамов и мулл, осуществлены переводы на китайский язык множества текстов, начиная с Корана. По закону и конституции КНР вероисповедание – частное дело граждан, а деятельность религиозных организаций подчиняется принципу непротиворечия политике партии¹. С учетом специфики современных представлений о положении ислама и исламских народов в Китае автором поставлена цель – описать такие элементы китайской культуры и культуры ислама, на примере которых можно отчетливо наблюдать естественный процесс взаимопроникновения культурных форм и результат такого взаимодействия с точки зрения психологических особенностей китайской культуры и культуры ислама. Это позволит, в том числе, немного изменить фокус рассмотрения бытования культуры народов, исповедующих ислам и проживающих на территории КНР. Для достижения цели была выработана общая гипотеза, состоящая в предположении о том, что ислам является частью культурной конфигурации современной китайской культуры. В задачи исследования входили выделение, описание и анализ культурных форм в избранном контексте. В качестве метода был применен культурологический анализ литературы, источников и личного опыта наблюдения и духовной практики. Теоретическую основу для выработки гипотезы составила теория культурной конфигурации Рут Бенедикт [1], а также комплекс теорий и методов психологии религии, этнопсихологии, психологии межкультурной и межрелигиозной коммуникации. Используя идею культурной конфигурации, автор выделяет ряд составляющих исламской культуры непосредственно в Китае. Это возможно благодаря применению комплексной методологии, позволяющей рассмотреть культуру исламского населения КНР как субкультуру. С другой стороны, культурологическая матрица позволяет объединить подходы психологии религии и этнопсихологии для описания уникального конструкта, появившегося в Китае в результате взаимопроникновения китайской и исламской культур.

¹ *Религия и свобода совести в Китае (Белая книга)*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zt/ce_ceml_chn/zfbps/199710/t19971030_878940.html (дата обращения: 04.10.2023).

Этнопсихологический аспект и «лингвистическая относительность» как факторы, описывающие психологию взаимодействия китайской культуры и культуры ислама

Из приведенной выше исторической справки видно, что с бытованием ислама в Китае связано несколько психологических особенностей. Спецификой китайской современной культуры стало определенное отношение к различным элементам её составляющих. Не только этнические группы воспринимаются как национальные меньшинства, но и религиозные группы маркируются скорее как субкультуры. Из этого следует особенность психологического восприятия, основанного на примате китайской традиционности. Целостность китайской культуры всегда будет на первом месте, о чем свидетельствует, например, следующее положение Конституции КНР: «Религиозные организации и религиозные дела свободны от иностранного контроля»².

Термин «лингвистическая относительность» взят в кавычки, потому что его прямое использование в нашем случае не совсем корректно. Однако словосочетание отсылает к определенному стилю рассуждения, используя который мы сможем сформулировать идею для описания феномена. Вопросы перевода религиозного текста, являющегося порождением определенной культурной традиции, всегда были сложны. Китайский язык – одна из вершин сложности. К особенностям китайского языка, отражающимся в специфике перевода религиозных текстов, относится как его «изобразительность», так и видимые в нем вторичные языковые системы: философия и традиционные верования ханьцев. Китайский язык относится к сино-тибетской языковой семье, письменность иероглифическая. На протяжении веков китайский язык развивался и преобразовывался, выражая китайский культурный комплекс, в рамках которого постепенно и неотрывно от языка формировались философия, религия, менталитет. Первые источники, свидетельствующие о существующей древнейшей письменности, относятся к XIV–XI векам до н. э. В I веке н. э. начинается процесс лингвистической адаптации символично-смыслового пласта, связанного с проникновением буддизма. В VII веке такой процесс начинается в связи с появлением ислама. Как уже упоминалось выше, ислам и

² Конституция КНР в редакции 2018 года. [Электронный ресурс]. https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 04.10.2023)

арабский язык приходят в Китай по «пути пряностей» из Джидды в Кантон. Картина будет неполной, если не уточнить, что после периода доминирования арабского языка, во времена династий Тан (618–907) и Сун (960–1279), в среде китайских мусульман повысилась роль персидского языка и была создана арабографичная система записи китайских слов [2, с. 98]. Сначала арабский язык становится языком китайских мусульман, однако к XIV веку он заменяется на так называемый цзинтанъюй, который можно охарактеризовать как сочетание арабских, персидских и китайских слов, записанных китайскими иероглифами [3]. XX век в Китае был богат событиями в области политики и социальной сферы, коснувшимися также и ислама. Во второй половине прошлого века в рамках политики «реформ и открытости» появляются дополнительные условия для развития деятельности мусульманских организаций и для изучения арабского языка как иностранного. В 1989 году выходит в свет «Китайско-арабский двуязычный текст Корана и аннотация к нему» [3, с. 107]. Существуют специализированные словари. Уникальной иллюстрацией не только богатства переводческой традиции, но и ее включения в китайский контекст можно назвать Сианьскую соборную мечеть 742 года постройки [4], на стенах которой вырезан полный текст Корана как на арабском, так и на китайском языках [4, с. 41–45]. Мечеть внесена в список достопримечательностей, что с точки зрения китайской культуры также очень интересно, так как это знак реализации политики повышения информированности о культурном наследии КНР [5].

Психологический контекст мусульманской науки в Китае

Как уже было отмечено выше, одна из уникальных особенностей китайской психологии состоит в ее неразделенности. Синтез конфуцианства и исламской философской мысли характеризует указанную черту.

Ярким примером можно считать сочинение «Хань Китаб», начало составления которого относится к XVII веку. Инициатором составления этого текста стал шейх Лю Чжи (примерно 1660–1739), живший в эпоху Цин (1644–1912). Текст являет собой сочетание исламского учения, конфуцианской идеологии и концепции сильного государства. Интерес в контексте нашего рассуждения представляет тот факт, что Лю Чжи для работы над сво-

ей книгой ушел в уединение на одну из священных гор Китая – пик Утайшань в провинции Шаньси. Затвор на священной горе издревле был неотъемлемой частью духовных практик в китайской традиции. При этом методологически автор пользовался системой рассуждения, принятой в конфуцианстве. По завершении работы над книгой Лю Чжи отправился в путешествие по стране, во время которого обсуждал результаты своих размышлений и обучал желающих тому, что осознал сам [6]. Роль обучения в современной картине бытования ислама в КНР связана с еще одной замечательной чертой китайского общества – одним из самых высоких в Азии уровнем образования среди женщин. «Отличительной чертой китайского ислама являются женские мечети. Управляемые женщинами-ахунами (имамами), они существуют на протяжении нескольких веков, особенно на Центральной равнине. В тех районах, где нет отдельных мечетей для женщин, девочки могут посещать школу при обычной мечети... Эти занятия проводятся учителями обоего пола. Примером является вечерняя школа – “женская школа” (нюся) в г. Санья на острове Хайнань» [7, с. 102]. С точки зрения современной психологии китайского общества это очень важный фактор, работающий на поддержание политики равных возможностей.

Интересно, однако, что ученые фиксируют «линию разлома» между книжной традицией и использованием текстов среди китайских мусульман. Опираясь на богатый этнографический материал [8], А.П. Голиков замечает, что в современных китайских мусульманских общинах древние традиции сходят на нет и «ученики медресе при Восточной мечети в г. Синин (Цинхай) ничего не знают об использовании арабской графики для записи китайских слов, тем более о существовании “Хань-китаба”» [9, с. 515].

Китайская традиция и фольклор народов, исповедующих ислам

Для культуры и психологии народов, исповедующих ислам, зеркалом, отражающим людские чаяния, лекарством от скуки и тяжелого труда стал образ Ходжи Насреддина, истории о котором попадают в Китай как часть нематериального наследия. Этот фольклорный герой – один из самых популярных и любимых в мировой культуре. В китайской традиции Ходжа Насреддин известен как Афаньти [10, с. 32]. Очевидно, что это имя образовано

от слова «эфенди». Греческое по происхождению, оно использовалось для обозначения человека, который сам может защищать себя в суде. С арабского и персидского оно переводится как «господин», «повелитель», то есть относится к титулатуре, без привязки к личности, является вежливым обращением или адресовано духовной особе (в тюркских языках). В случае с Афаньти семантически важны все пласты значений. В фольклорной традиции народов Китая Афаньти сталкивается не только с муллами и торговцами, но и с императором и чиновниками двора, что придает образу специфическую окраску. Однако это лишь оттенок, бытовые особенности жизни общины и сословного общества на уровне простого народа настолько схожи, что без контекста истории про Афаньти и Ходжу Насреддина чаще всего неразличимы. Для примера можно обратиться к следующей истории: «Как-то император решил показать, что заботится о благе подданных, и приехал посмотреть, как живет семья Афаньти. На вопрос о том, где поле и зерно, Афаньти ответил, что они все у императора, мебель и вещи из дома забрал уездный чиновник, сын умер от непосильного труда, а жена от испуга спряталась. Когда император в гневе закричал, что это все вздор, Афаньти ответил: “Нет-нет! Все сказанное – чистая правда! А если это ложь, то что же тогда могло Вас так сильно разгневать?!”» [10, с. 55]. Благодаря сочетанию универсалий и этнокультурных черт, образ Ходжи Насреддина (Афаньти) стал элементом, упростившим психологическую адаптацию носителей разных культурных комплексов на территории одной страны. Такие скрепы проявляются особенно ярко в полиэтническом и полирелигиозном обществе, где процессы адаптации различных культурных комплексов – часть постоянно действующего механизма функционирования общенациональной культуры.

Психологические особенности китайского боевого искусства и исламская культура

Боевое искусство – неотъемлемая часть культуры Китая на протяжении тысячелетий. Будучи в первую очередь духовной практикой, боевое искусство требует высокой концентрации, погружения, отбрасывания лишнего, не просто понимания, а «вплавления» в себя принципов и навыков через осознание и тренировку единства тела и духа. В своем высочайшем воплощении

боевое искусство – «проживание жизни». Китайская поговорка гласит: «Делай то, что велит твое сердце, следуй естественному в себе». Естественность здесь относится к основным понятиям китайской культуры, лучше всего выраженным в философии Дао (Пути). Духовная практика в Китае находит свое вербальное и сущностное выражение именно в Дао. Это не только религия и философия даосизма, это основа китайской культуры, ее корень и мерило вещей, ее словесное и «вне-словесное» отражение. Как уже говорилось выше, приходящие на территорию Китая философские и религиозные учения вынуждены адаптироваться к условиям новой среды. С психологической точки зрения самым интересным можно считать принятие новой формы религии. Преодолеть границы государств и этнических групп может только религиозное учение, монолитное в своем внутреннем ядре и одновременно обладающее достаточной гибкостью для адаптации к различным материальным и нематериальным условиям принимающей культуры. Ислам, ставший мировой религией, безусловно, относится к таким учениям и на культурной почве Китая взаимодействует с ее базовыми основаниями, приобретая узнаваемые визуальные, лингвистические, мировоззренческие характеристики. Неотъемлемость практики древних китайских боевых искусств в мусульманских регионах Китая может стать одним из примеров уникальной культурной конфигурации, наблюдаемой нами при взаимодействии китайского и мусульманского культурно-психологических комплексов.

Важнейшим условием такого коммуникативного взаимодействия является внутренняя непротиворечивость, отсутствие необходимости делать выбор между культурой предков и воспринятой религией. Укорененная (и коренная) в китайской культуре концепция Дао дает возможность обеспечить базовую непротиворечивость. В дополнение к духовному и психологическому комфорту есть еще одно условие – соответствие социального устройства, то есть принципов повседневного бытования сообщества. «...“мудрость Пути” находит подлинное обоснование именно в человеческой социальности и культурном творчестве. Отсутствие собственных метафизических или религиозных целей, ориентация на успех в обществе – одна из самых примечательных особенностей китайской традиции “духовного делания”, составляющая такой разительный контраст с индийской йогой или даже средневековым

христианством», – написал выдающийся российский специалист по культуре Китая В.В. Малявин [11, с. 12].

Универсальность и всеохватность концепта Дао (Пути) обосновывает ошибочность рассмотрения боевых искусств Китая только как спорта или оздоровительных процедур. Боевые искусства с самого начала своего существования были в первую очередь духовной практикой, позднее нашедшей свое выражение, например, в категории дэ – «добродетель», понимаемой как внутренняя целостность и духовная общительность [11, с. 13]. «Те, кто упражняется в воинском искусстве, заботятся о позах и уповают на физическую силу. Те, кто постигает искусство Пути, заботятся о питании жизненной силы и поддержании духа, движения свои направляют волей, а раскрытия силы направляют через дух...» (мастер Сюэ Дянь, 1934 год) [11, с. 13–14]. Таким образом, на первом месте духовная практика, первостепенная роль «внутреннего достижения», гун-фу, единение сознания и тела, создание доверительных «вне-словесных отношений» между людьми.

Воплощение принципов Дао и дэ в воинском искусстве – это искусство поединка, искусство победы, защиты и нападения. Несмотря на то, что овладение и оттачивание боевых приемов – неотъемлемая часть боевых школ, есть стили, где практичности уделяется особое внимание.

Примером такой школы вот уже многие годы служит Ма Ши Тунбей – тунбей семьи Ма. Основателем школы стал мастер Ма Фенту (1888–1973) из провинции Хубей, происходящий из мусульманской семьи. Согласно современной генеалогии школы Ма Ши Тунбей, Ма Фенту и его брат Ма Инту обучались у отца и дяди, а затем у мастера Хуан Линьбяо³. Истоки самого стиля тунбей уходят в III век до н. э. [12, с. 82]. В составленной Ма Минда и изданной в 1996 году в Пекине «Новой книге о заслугах в воинском деле» говорится о том, что в основу системы тунбей цюань вошли все основные стили китайского боевого искусства. Главная особенность школы семьи Ма – введение принципов использования основных сил тунбей в приемах⁴.

³ *История и теория тунбей*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moswushuclub.ru/istoriya-i-teoriya-tunbej/> (дата обращения: 04.10.2023)

⁴ 12 лучших приемов системы Тунбей. *Информационный портал Ассоциация клубов УШУ*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pro-wushu.ru/content/12-luchshih-priemov-sistemy-tunbey> (дата обращения: 04.10.2023).

По мнению специалистов Московского клуба УШУ, Ма Фенту, опираясь на «Книгу Перемен», объясняет значение слова «тунбей» через два составляющих его иероглифа «тун» – проникновение, трансформация, а также «бей», который относится к тренировке, к овладению стилем. Обращает на себя внимание ход мысли, при котором мастер опирается на самые базовые основания китайской традиции. С точки зрения психологии межкультурной коммуникации подход, предложенный мастерами школы семьи Ма, интересен особенно для российского читателя. Межкультурный диалог России и Китая имеет многовековую историю, сформировался «словарь» терминов и коннотаций, в том числе устойчивая связь «китайские боевые искусства – буддизм». Философия и методы передачи традиции семьи Ма выходят за рамки этих представлений, что очень полезно для развития межкультурной компетентности. В рамки данной статьи не входит детальный разбор техник боевых искусств, школа семьи Ма используется как яркий пример взаимопроникновения китайской и мусульманской культурных традиций. Можно добавить, что обучение и передача знаний в Школе осуществляются с учетом правил, установленных для китайских стилей боевых искусств, включая систему личных учеников и закрытости некоторой части информации для непосвященных.

Итак, выделим некоторые черты, которые в психологическом контексте обеспечивают высокий уровень адаптации и коммуникативного взаимодействия традиционной китайской культуры и культуры ислама.

1. Универсальность концепции Дао, ее укорененность в мировоззрении, а также в социальной и бытовых сферах.

2. Ориентация на социум. На бытовом уровне для исламской культуры характерна забота о благе уммы (общины). В исламской традиции умма понимается как «дар аль-ислам» – мусульманский мир, объединяющий всех мусульман вне зависимости от этнической принадлежности. Такой подход обязательно реализуется в гибкой и продуманной повседневности, а не только умозрительно. Тесное взаимодействие членов общины предполагает диалогичность и внимание к интересам окружающих, так как от них в большой мере зависит благополучие индивида. Для китайской традиции характерна взаимозависимость субъектов отношений, что приводит к примату коллекти-

ва и дает нам еще одну психологическую точку соприкосновения. Как написал в середине XX века Ф.Л.К. Сю, рассуждая о базовой структуре личности в китайской культуре, «находясь в рамках традиций, индивид приспособливается к действительности сравнительно легко... Он видит необходимость подавать бедным <...> познает необходимость вкладов в открытие школ и больниц до тех пор, пока может рассчитывать на улучшение своего душевного благополучия и повышение социального престижа» [13, с. 388–389].

3. Практичность. Ориентация на социум в умме привела к детальной разработанности всех аспектов бытового поведения, что в первую очередь предполагает практичность, реализуемость, механизмы поступенчатого научения нормам и правилам, а также способы их регуляции. На примере философии школы Ма Ши Тунбей мы видим практичность, выведенную как базовый принцип. Для комфортного сочетания древних принципов боевого искусства и исламской культуры, в рамках которой воспитывались основатели Школы, были выведены принципы, позволяющие объединить все необходимое не только для выживания традиции, но и для практического применения на благо общества. Мастера Школы, например, принимают участие в разработке программ подготовки государственных служащих.

Заключение

Рассмотрев некоторые аспекты бытования ислама в Китае, можно заметить, что к настоящему времени описываемые культурные традиции успешно взаимодействуют в результате прохождения процесса интеграции. В статье проанализированы такие элементы китайской и исламской культуры, на примере которых можно увидеть как путь взаимопроникновения традиций, так и результат взаимодействия. В статье не затрагиваются политические и идеологические вопросы.

Психологическое своеобразие китайской культуры, уникальность сочетания различных этнических и религиозных элементов в контексте даосизма и конфуцианства маркируют неповторимость современного культурного комплекса китайской культуры, неотъемлемой частью которой на протяжении веков является ислам во всем своем многообразии – в религиозном, философском, психологическом, идейном, социальном и бытовом измерениях.

Литература

1. Бенедикт Р. *Модели культуры*. М.: Альма-Матер, Гаудеамус; 2023. 315 с.
2. Завьялова О.И. Великий шелковый путь и персидская составляющая в языке современного китайского ислама. *Человек и культура Востока. Исследования и переводы*. 2014;1(4):96–108.
3. Базанова Е.А. Арабский язык в сотрудничестве Китая со странами Ближнего Востока в 1980-2010 гг. *Вестник РУДН. Серия Международные отношения*. 2011;2:107–114.
4. Djamel Dilmi. Sino-Arabic script and architectural inscriptions in Xi'an Great Mosque, China. *Journal of Islamic Architecture*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/284795994_Sino-Arabic_script_and_architectural_inscriptions_in_Xi'an_Great_Mosque_China (дата обращения: 04.10.2023).
5. Владимирова Д.А., Журбей Е.В., Карловская А.А. «Мягкая сила» во внешней политике России и Китая: особенности национальных стратегий. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2020;1:123–137.
6. James D. Frankel. *Rectifying God's Name: Liu Zhi's Confucian Translation of Monotheism and Islamic Law*. Honolulu: University of Hawaii Press; 2011. 256 p.
7. Захарьин А.Б. Ислам в Китае. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2010;4:56–69.
8. Ben-Dor Benite Zvi. *The Dao of Muhammad: a Cultural History of Muslims in Late Imperial China*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2005. 280 p.
9. Голиков А.П. Буддизм и ислам на периферии «ханьского Китая» (некоторые результаты полевых исследований на стыке провинций Ганьсу, Цинхай и Сычуань). *Общество и государство в Китае*. 2015; XLV, Ч. 1. С. 509–518.
10. *Чудаки, шуты и пройдохи Поднебесной. Китайские притчи и анекдоты*. Составление, общая редакция, предисловие и комментарии Воскресенского А. Перевод с китайского А. Воскресенского и В. Ларина. М.: Гудьял-Пресс; 1999. 208 с.
11. *Боевые искусства: Китай, Япония*. Сост., пер. с кит. и древнеяп., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ»; 2002. 416 с.

12. Чжан Ю. *Сто вопросов по у-шу*. Киев: София; 1996. 320 с.

13. Белик А.А. *Историко-теоретические проблемы психологической антропологии*. М.: РГГУ; 2005. 420 с.

References

1. Benedikt R. *Modeli kul'tury* [Models of Culture]. Moscow: Al'ma-Mater, Gaudeamus Press; 2023. 315 p. (In Russian)

2. Zav'yalova O.I. Velikij shyolkovyy put' i persidskaya sostavlyayushchaya v yazyke sovremennogo kitajskogo islama [The Great Silk Road and the Persian part of Modern Chinese Islam]. *Chelovek i kul'tura Vostoka. Issledovaniya i perevody* [A man and Oriental Culture. Researches and Translations]. 2014;1(4):96–108. (In Russian)

3. Bazanova E.A. Arabskij yazyk v sotrudnichestve Kitaya so stranami Blizhnego Vostoka v 1980-2010 gg. [The Arabic Language in the Cooperation of China and Middle East Countries in 1980-2010]. *Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya* [Peoples Friendship University Digest. International Relationships Series]. 2011;2:107–114. (In Russian)

4. Djamel Dilmi. Sino-Arabic script and architectural inscriptions in Xi'an Great Mosque, China. *Journal of Islamic Architecture*. [Electronic source]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/284795994_Sino-Arabic_script_and_architectural_inscriptions_in_Xi'an_Great_Mosque_China (Accessed: 04.10.2023).

5. Vladimirova D.A., Zhurbej E.V., Karlovskaya A.A. “Myagkaya sila” vo vneshnej politike Rossii i Kitaya: osobennosti nacional'nyh strategij [“Soft Power” in Russian and China Foreign Affairs: specifics of National Strategies] *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oecumene. Religious Studies]. 2020;1:123–137. (In Russian)

6. James D. Frankel. *Rectifying God's Name: Liu Zhi's Confucian Translation of Monotheism and Islamic Law*. Honolulu: University of Hawaii Press; 2011. 256 p.

7. Zahar'in A.B. Islam v Kitae [Islam in China]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13, Vostokovedenie* [Moscow University Digest. Spt. 13. Oriental Studies]. 2010;4:56–69. (In Russian)

8. Ben-Dor Benite Zvi. *The Dao of Muhammad: a Cultural History of Muslims in Late Imperial China*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. 280 p.

9. Golikov A.P. Buddizm i islam na periferii «han'skogo Kitaya» (nekotorye rezultaty polevyh issledovanij na styke provincij Gan'su, Cinhaj i Sychuan') [Buddhism and Islam on “Han China” Peripheries (some results of field researches on the Gansu, Qinghai and Sichuan provinces' borders)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae, special'nost' Istorija i arheologiya* [Society and State in China, History and Archeology]. 2015;XLV(1):509–518. (In Russian)

10. *Chudaki, shuty i projdohi Podnebesnoj. Kitajskie pritchi i anekdoty* [Oddballs, Fools and Rascals of the Celestial Empire. Chinese humorous stories]. Comp., gen. ed., foreword and comm. of Voskresensky A. Tr. from Chinese A. Voskresensky and V. Larin. Moscow: Gud'yal-Press; 1999. 208 p. (In Russian)

11. *Boevye iskusstva: Kitaj, Yaponiya* [Martial arts of China and Japan]. Compiling, general editorship and Tr. from ancient Chinese and ancient Japanese by Mallyavin V.V. Moscow: OOO Astrel, AST Press; 2002. 416 p. (In Russian)

12. Chzhan Yu. *Sto voprosov po u-shu* [One Hundred Questions about Wu-shu]. Kiev: Sofiya Press; 1996. 320 p. (In Russian)

13. Belik A.A. *Istoriko-teoreticheskie problemy psihologicheskoy antropologii. Uchebnoe posobie* [Historical and Theoretical Problems of Psychological Anthropology. The textbook]. Moscow: Russian State University for Humanities; 2005. 420 p. (In Russian)

Информация об авторе

Александрова Елена Андреевна, кандидат культурологии, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Elena. A. Aleksandrova, Cand. Sci. (Cultural Studies), Associate Professor, department of Cross-cultural Psychology and Multi-cultural Education, Moscow State University for Psychology and Education, Moscow, the Russian Federation.

Е.А. Александрова
Психологические основы взаимопроникновения и взаимодействия элементов...
Minbar. Islamic Studies. 2023;16(4):959–973

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 июля 2023

Одобрена рецензентами: 20 сентября 2023

Принята к публикации: 30 октября 2023

Article info

Received: July 10, 2023

Reviewed: September 20, 2023

Accepted: October 30, 2023